

ЛУЧШЕ
ПОДАВАТЬ
ХОЛОДНЫМ

*Посвящается Грэйс:
однажды ты прочтешь это
и слегка встревожишься.*

БЕННА МЕРКАТТО СПАСАЕТ ЖИЗНЬ

Восход был цвета запекшейся крови. Он растекался по черному небу красными струями, метил золотом перья облаков. На фоне раненых небес казались черными как сажа остроконечные башни крепости Фонтезармо на вершине горы, куда вела дорога.

Красный, черный, золотой. Цвета их профессии.

– Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца.

Она вздохнула, словно ничего не знала об этом и не провела битый час, прихорашиваясь перед зеркалом.

– Что есть, то есть. Признание факта – еще не подарок. Ты подтверждаешь только, что не слепой. – Она зевнула, потянулась в седле, давая ему полюбоваться собой. – Надеюсь услышать больше.

Он откашлялся, вскинул руку, как плохой актер перед началом главного монолога.

– Твои волосы... подобны накидке из сияющего собольего меха!

– Индюк напыщенный. Как ты вчера их назвал? Завесой полуночи? Это мне нравилось больше. Хоть какая-то поэзия. Пусть и плохая.

– Дерьмо. – Он прищурился, глядя на облака. – Глаза твои блещут, как лучистые сапфиры, коим нет цены!

– Так у меня камни вместо глаз?

– Губы – лепестки роз!

Она плюнула в него, но он, будучи настороже, увернулся, и плевок угодил в камень на обочине дороги.

– Вот тебе, болван, чтобы выросли твои розы. Придумай что-нибудь лучше.

– С каждым днем это все труднее... – проворчал он. – Камушек, что я купил, смотрится на тебе замечательно.

Подняв правую руку, она взглянула на кольцо, которое украшал рубин размером с миндальный орех. В первых проблесках солнца камень кроваво засверкал, как открытая рана.

– Да, дарили мне и похуже.

– Он под стать твоему бешеному темпераменту.

– И кровавой репутации, – фыркнула она.

— К черту репутацию! Все это байки идиотов! Ты — мечта. Видение. Ты... — он щелкнул пальцами, — ...сама богиня войны!

— Хм... богиня?

— Войны. Нравится?

— Сойдет. Сумеешь с тем же пылом целовать в задницу герцога Орсо, может, нам и вознаграждение прибавят.

Бенна выпятил губы, как для поцелуя.

— Ничто мне так не мило с утра, как лицемерье пышных, круглых ягодиц его светлости. На вкус они напоминают... власть.

Цокали по пыльной тропе копыта, поскрипывали седла, позвякивала сбруя. Один поворот, другой, и мир остался внизу. Кровавый разлив на востоке выщел до розовой сукровицы. Взору явилась река, неторопливо несущая свои воды по осеннему лесу в долине у подножия горы. Блистая, как армия на марше, она неуклонно стремилась к морю. К Талину.

— Я жду, — сказал Бенна.

— Чего?

— Своей доли комплиментов, конечно.

— И так уже раздулся от гордости, вот-вот лопнешь. — Она поддержала шелковые манжеты. — Мне ни к чему на новой рубашке твои потроха.

— Сразила! — Бенна схватился рукой за грудь. — Насмерть! Так-то ты платишь мне за преданность, сучка бессердечная?

— Ты всерьез считаешь, смерд, что ты мне предан? Клещ, преданный тигру!

— Тигру? Ха! Обычно тебя сравнивают со змеей.

— Лучше, чем с червяком.

— Шлюха.

— Трус.

— Убийца.

С последним она не могла не согласиться. Оба снова умолкли. Тишину нарушали лишь птичьи трели, доносившиеся с засохшего дерева у дороги. Потом Бенна потихоньку подъехал ближе и нежно сказал:

— Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца.

Она улыбнулась краешком рта, тем, который был ему не виден.

— Что есть, то есть. — И пришпорила коня.

За следующим крутым поворотом глазам открылась внешняя стена цитадели Фонтезармо, глубокое ущелье перед нею, на дне которого искрилась вода, узкий мост, перекинутый к воротам. И зияющая арка в конце — приветливая, как могила.

— Успели укрепить стены с прошлого года, — проворчал Бенна. — Не хотелось бы мне их штурмовать.

— Скажи еще, что у тебя хватает духу карабкаться по лестницам.

— Не хотелось бы мне приказывать идти на штурм кому-то другому.

— Скажи еще, что у тебя хватает духу отдавать приказы.

— Не хотелось бы мне видеть, как ты приказываешь идти на штурм.

— Согласна. — Осторожно свесившись с седла, она хмуро всмотрелась в крутой обрыв слева, потом подняла взгляд на отвесную стену справа, увен-

чанную зубцами, казавшимися черными на фоне посветлевшего неба. — Выглядит так, словно Орсо опасается, что его хотят убить.

— У него есть враги? — Бенна вытаращил в притворном изумлении глаза.

— Половина Стирии.

— Значит... и у нас есть враги?

— Больше половины Стирии.

— А я так старался завоевать любовь... — Они проскакали рысью меж двумя суровыми стражами, чьи копья и стальные шлемы были отполированы до зеркального блеска, въехали в темный длинный тоннель, отлого поднимавшийся вверх, и под его сводами заметалось эхо цокота копыт. — Опять у тебя этот вид.

— Какой?

— «Хватит шуток на сегодня».

— Хм. — Она почувствовала, что лицо ее и впрямь застыло в привычном хмурым выражении. — Что же, будешь улыбаться за двоих. В этом ты силен.

За воротами открылся другой мир — благоухающий лавандой, ослепительно-зеленый, в отличие от серых горных склонов. Мир выкошенных лужаек, подстриженных изгородей самых причудливых форм, сверкающих фонтанных струй. Красоту портили лишь торчавшие у каждой двери угрюмые стражники в белых плащах с черным крестом Талина, накинутых поверх доспехов.

— Монца...

— Что?

— Пусть это будет наша последняя кампания, — просительно сказал Бенна. — Последнее лето в пыли. Давай найдем какое-нибудь занятие поприятней. Пока мы молоды...

— А как же Тысяча Мечей? Вернее, почти десять тысяч... и все смотрят на нас и ждут приказа.

— Пускай смотрят, куда хотят. Примкнули к нам наживы ради, получили ее сполна. Они верны, только пока им это выгодно.

Она и сама знала, что Тысяча Мечей отнюдь не лучшая часть человечества. И даже не лучшая часть племени наемников. Большинство их бойцов стояли лишь на ступеньку выше обычных преступников. Остальные — ниже. Но дело было в другом...

— Решил что-то, так держись этого, — буркнула она.

— Чего ради? Не понимаю.

— Как обычно... Еще один поход — и Виссерин падет, Рогонт сдастся. Лига Восьми станет всего лишь дурным воспоминанием. Орсо объявит себя королем Стирии, а мы исчезнем, и нас забудут.

— Мы заслуживаем того, чтобы нас помнили. Могли бы владеть собственным городом. Ты стала бы благородной герцогиней Монцкарро... чего-нибудь...

— А ты — бесстрашным герцогом Бенной? — Она засмеялась. — Осел безмозглый. Ты же без меня и задницу подтереть не можешь. Война — дело достаточно темное, что уж говорить о политике? Орсо будет коронован, и мы уйдем в отставку.

Бенна вздохнул.

— Я думал, мы наемники... Коска таких хозяев, как этот, никогда не держался.

— Я — не Коска. И в любом случае не больно-то будет умно отказать властителю Талина.

— Ты просто любишь сражаться.

— Нет. Я люблю побеждать. Еще один поход, и мы сможем увидеть мир: побывать в Старой империи, объехать Тысячу островов, посетить Адую и постоять в тени Дома Делателя. Все, о чем мечтали.

Бенна надул губы, как всегда, когда не получал своего. Надул, но «нет» не сказал. Выбор вечно оставался за ней, и порой ее это задевало.

— Слушай, у нас на двоих всего пара яиц. Тебе никогда не хотелось их поносить?

— При тебе они смотрятся лучше. Да и мозги ты все прибрала. Полезней держать их вместе.

— Что ж тебе-то остается?

Бенна ухмыльнулся.

— Обаятельная улыбка.

— Тогда улыбайся. Весь следующий, последний поход.

Соскочив с седла, она оправила пояс с мечом, бросила поводья конюху и зашагала к внутренним воротам. Бенне пришлось догонять ее бегом, поскольку он, слезая с коня, запутался в амуниции. Редкостное неумение обращаться с оружием для человека, зарабатывающего на жизнь войной.

Внутренний двор являл собою ряд террас, выбитых в склоне горы. Он был засажен экзотическими пальмами и охранялся еще усердней, чем наружный. В самом центре его высился древний столп, привезенный, по слухам, из дворца Скарпиуса, и отражение его колыхалось в круглом пруду, где плескались серебряные рыбки. С трех сторон столп окружало, словно исполинская кошка, зажавшая в лапах мышь, нагромождение стекла, бронзы и мрамора — дворец герцога Орсо. С весны здесь успело появиться огромное новое крыло вдоль северной стены, изукрашенное резьбой, но наполовину скрытое еще строительными лесами.

— Всё строятся, — сказала она.

— Конечно. Разве принцу Арио хватит десяти комнат под башмаки?

— Да уж, нынче настоящему щеголю без двенадцати никак.

Бенна хмуро глянул на собственные сапоги с золотыми пряжками.

— А у меня всего тридцать пар. Так вот и чувствуешь свое убожество.

— Не ты один, — буркнула она.

Вдоль края крыши тянулась вереница статуй, явно еще не завершенная: герцог Орсо, раздающий милостьню бедным, герцог Орсо, дарующий знания невежественным, герцог Орсо, защищающий от опасности слабых.

— Где же главная — Стирия, вылизывающая ему задницу? — шепнул ей на ухо Бенна.

Она указала на глыбу мрамора, которую только начали обрабатывать.

— Вот.

— Бенна!

Огибая пруд, топча со скрипом свежий гравий и сияя всем своим веснушчатым лицом, к ним спешил с резвостью обрадованного щенка граф Фоскар,

младший сын Орсо. Он успел обзавестись хилой бороденкой с тех пор, как Монца видела его в последний раз. Что делу не помогло — песочная эта поросье придавала его лицу еще более мальчишеский вид, чем прежде. Всю семейную честь он, может, и унаследовал, но красота, увы, досталась кому-то другому.

Бенна, улыбаясь, обнял Фоскара за плечи одной рукой и взъерошил ему волосы. Оскорбительный жест со стороны любого другого, но у Бенны это получалось пленительно непринужденно. Умел он делать людей счастливыми, что ей казалось чуть ли не волшебством. Сама она отличалась прямо противоположными талантами.

— Ваш отец здесь? — спросила Монца.

— Да, и брат тоже. Беседуют со своим банкиром.

— В каком он расположении духа?

— Весел, насколько я могу судить, но вы же знаете отца. Впрочем, на вас двоих он никогда не сердится. Вы обычно приносите хорошие вести. И сегодня принесли, верно?

— Монца, ты скажешь или... — начал Бенна.

— Борлетта пала. Кантейн мертв.

Фоскар не возликовал. Кровожадностью отца он не отличался.

— Кантейн был хорошим человеком.

Что отнюдь не соответствовало истине, насколько знала Монца.

— Врагом вашего отца.

— Но человеком, которого можно уважать. Их в Стирии осталось немного.

Он и правда мертв?

Бенна надул щеки.

— Голова отрублена, насажена на пику над воротами. Поэтому, если вы не знаете, конечно, особо искусного лекаря...

Они прошли через высокую арку в зал, огромный, как императорская гробница, и отзывавшийся эхом на каждый звук. Полутьму прорезали тут и там пыльные световые лучи, пятная мраморный пол, тускло отсвечивали стоявшие вдоль стен старинные рыцарские доспехи в рост, с зажатым в латных рукавицах столь же древним оружием.

— Дерьмо, — шепнул ей на ухо Бенна. — Гадюка Ганмарк тоже здесь.

— Уймись.

— Не может быть, чтобы этот бесчувственный ублюдок владел мечом так хорошо, как говорят...

— Владеет.

— Будь я хоть наполовину мужчиной, я бы...

— Ты не таков. Поэтому — уймись.

Лицо у генерала Ганмарка было до странности кротким. Усы безвольно свисали, светло-серые глаза постоянно слезились, что придавало ему выражение бесконечной печали. Ходили слухи, будто из армии Союза Ганмарка вышвырнули за любовную нескромность, допущенную в отношении другого офицера, после чего он переплыл море в поисках хозяина с более широкими взглядами. Широта же взглядов герцога Орсо по отношению к слугам являлась воистину безграничной, лишь бы те служили как следует. Монца с Бенной были достаточным тому доказательством.

Ганмарк чопорно кивнул ей:

— Здравствуйте, генерал Меркатто. — Чопорно кивнул Бенне: — Здравствуйте, генерал Меркатто. — И обратился к Фоскару: — Граф, вы не забросили свои упражнения, надеюсь?

— Сражаюсь каждый день.

— Тогда, пожалуй, мы еще сделаем из вас фехтовальщика.

Бенна фыркнул:

— Или тупого вояку.

— И то, и это неплохо, — пробубнил Ганмарк с отрывистым союзным акцентом. — Человек без дисциплины не лучше собаки. Солдат без дисциплины не лучше трупа. А то и хуже. Труп хоть не является угрозой для собственных товарищей.

Бенна открыл было рот, но Монца его опередила. Успеет еще выставить себя олухом, коли ему так хочется.

— Как прошел ваш поход?

— Свою роль я сыграл — не подпустил к вашим флангам Рогонта с осприйцами.

— Придержали герцога проволочек? — усмехнулся Бенна. — Да, это было нелегко.

— Роль всего лишь вспомогательная — маленький комический эпизод в великой трагедии. Но публике, надеюсь, понравился.

Эхо шагов зазвучало громче, когда они проследовали через другую арку в ротонду, расположенную в самом центре дворца. Ее круглые стены были сплошь заставлены скульптурами, изображавшими сцены из глубокой древности — войны между демонами и магами и прочий вздор. Высокий купол над головой украшала фреска — среди грозовых туч семь крылатых женщин с гневными лицами, в доспехах и при оружии. Парки, вершительницы судеб земли. Величайшая работа Аропеллы, занявшая у него восемь лет, как слышала Монца, и неизменно заставлявшая ее чувствовать себя хрупкой, слабой и совершенно ничтожной. Ощущение, к которому не привыкнуть. Таков и был замысел мастера...

Оттуда они вчетвером начали подниматься по лестнице, столь широкой, что в ряд по ней пройти могло вдвое больше человек.

— И где же вамгодились ваши комические таланты? — спросила Монца у Ганмарка.

— По дороге к воротам Пуранти и обратно, с огнем и мечом.

Бенна криво усмехнулся.

— Неужто сражались по-настоящему?

— Зачем бы я стал это делать? Вы не читали Столикуса? «Животное прокладывает с боем путь к победе...»

— «Генерал идет к ней маршем», — закончила Монца. — Смеха много звали?

— Не у врага, полагаю. Смеялся мало кто, но это война.

— Я так нахожу время повеселиться, — вставил Бенна.

— Некоторые смеются легко. Чем завоевывают сотрапезников. — Ганмарк устремил кроткий взгляд на Монцу. — Вы, как посмотрю, даже не улыбаетесь.

— Еще успею. Когда придет конец Лиге Восьми и Орсо станет королем Стирии. И все мы расстанемся с мечами.

— Мой опыт говорит, что на покое они обычно не задерживаются. Так и норовят вернуться обратно в руки.

— Смею предположить, вас Орсо оставит при себе, — сказал Бенна. — Хотя бы для того, чтобы полировать полы.

Ганмарк и бровью не повел.

— В таком случае у его светлости будут самые чистые полы во всей Стирии.

Лестница вывела их к высоким дверям из инкрустированного дерева, украшенным резными львиными мордами. Где расхаживал взад-вперед, подобно старому преданному псу под дверью хозяйской спальни, коренастый вояка — капитан Карпи Верный, один из первых бойцов, вступивших в Тысячу Мечей. Его широкое, обветренное, честное лицо было все исполосовано шрамами.

— Верный! — Бенна схватил старого наемника за огромную, как лопата, руку. — Карабкаться на гору, в твоём-то возрасте! Разве ты не должен сейчас развлекаться с девками?

— Развлекался бы. — Капри пожал плечами. — Да за мной послал его светлость.

— И ты, как верный слуга... послушался.

— Почему меня и кличут Верным.

— Как дела в Борлетте? — спросила Монца.

— Все спокойно. Большинство наших встало лагерем за стенами города, с Эндишем и Виктусом. Так я решил, чтобы не спалили город ненароком. Во дворце Кантейна оставил лишь самых надежных, под присмотром Сезарии. Все старики вроде меня, еще со времен Коски. Люди бывалые, попусту не дергающиеся.

Бенна хихикнул:

— Медленно соображающие, хочешь сказать?

— Медленно, да верно. Мы своего всегда добьемся.

— Что ж, пошли? — Фоскар навалился плечом на одну из створок и не без труда открыл дверь.

Ганмарк и Верный последовали за ним. Монца чуть замешкалась, пытаясь принять свой самый суровый вид, но встретила глазами с Бенной, который ей улыбнулся, и невольно улыбнулась в ответ. Придвинулась, шепнула ему на ухо:

— Люблю тебя.

— Конечно, любишь.

Он переступил порог. Монца шагнула следом.

Личный кабинет герцога Орсо являл собою мраморный зал величиной с торговую площадь. По одной его стене располагался горделивый ряд высоких окон, которые были открыты, и ветер, залетая внутрь, шелестел яркими портьерами. Длинный балкон под окнами выходил на крутой обрыв и потому казался висющим в воздухе.

Противоположную стену сплошь покрывали картины, писанные лучшими художниками, на коих под слоем предохраняющих от разрушения масел были изображены величайшие в истории битвы: победы Столикуса, Гарода Великого, Фаранса и Вертурио, призванные дать понять всем и каждому, что

Орсо — последний в ряду королей-победителей. Пусть даже прадед его был узурпатором и обычным преступником в придачу.

Самая большая картина, высотой не менее десяти шагов, бросалась в глаза с порога. Портрет великого герцога Орсо, разумеется. Он сидел верхом на скакуне, вставшем на дыбы, и, высоко подняв сверкающий меч, пронзительным взглядом уставился на далекий горизонт, как бы призывая своих людей к победе в битве при Итрии. Словно художник знать не знал, что Орсо в том сражении оставался во главе войска недолго.

Но — как сам герцог частенько говаривал Монце — что такое скучная правда против прекрасной лжи?..

Герцог Талина во плоти восседал за письменным столом, держа в руке вместо меча ручку. Рядом стоял высокий сухопарый господин с крючковатым носом, глядя на лежавшие перед герцогом бумаги с пристальным вниманием грифа, дожидаясь смерти истомленного жаждой путника. Позади них стену подпирало огромное тулово — Гобба, телохранитель Орсо, с шеей толстой, как у борова. В раззолоченном кресле близ стола сидел, небрежно развалясь и закинув ногу на ногу, Арио — старший сын и наследник герцога. В руке у него был бокал с вином, по красивому изнеженному лицу блуждала расслабленная улыбка.

— Я нашел этих бродяжек во дворе! — сообщил Фоскар. — И решил представить их вашему милосердию, отец!

— Милосердию? — Резкий голос Орсо отозвался в просторном кабинете эхом. — Я не слишком-то к нему склонен. Располагайтесь поудобней, друзья, скоро я к вам присоединюсь.

— Никак это Палач Каприле, — пробормотал Арио, — и с ней ее малыш Бенна.

— Здравствуйте, ваше высочество. Прекрасно выглядите. — О том, что выглядит он, по ее мнению, как пустая мошонка, Монца умолчала.

— Вы тоже, как всегда. Будь так хороши все солдаты, мне, пожалуй, даже захотелось бы повоевать. Новая безделушка? — Арио вяло махнул унизанной драгоценными кольцами рукой в сторону рубина Монцы.

— Так, первое, что попало на глаза, когда я одевалась.

— Жаль, меня там не было. Хотите вина?

— С утра пораньше?

Он бросил взгляд из-под тяжелых век на окна.

— По мне, так еще ночь.

Судя по его тону, бдение до утра было героическим деянием.

— А я не откажусь. — Бенна, не желавший никому и ни в чем уступить, уже наливал себе бокал.

Будет пьян через час, подумала Монца, и начнет нести околесицу. Впрочем, ей надоело изображать из себя его маменьку.

Она неторопливо миновала монументальный камин, который поддерживали резные статуи Иувина и Канедиаса, и приблизилась к столу Орсо.

— Подпишите здесь, здесь и здесь, — сказал сухопарый, тыча костлявым пальцем в документ.

— Вы знакомы с Мофисом? — спросил Орсо, бросив на него кислый взгляд. — Это мой надсмотрщик.

— Ваш покорный слуга, ваша светлость. Банкирский дом Валинта и Балка согласен на дополнительную ссуду сроком на один год, после чего, к великому их сожалению, они вынуждены будут начислять проценты.

Орсо фыркнул.

— Чума жалеет мертвецов... я обречен. — Выведа последнюю завитушку последней подписи, он бросил ручку. — Всем приходится стоять перед кем-то на коленях, не так ли? Непременно передайте вашему начальству мою безграничную благодарность за понимание и снисходительность.

— Передам. — Мофис собрал документы. — Что ж, вот и делу конец, ваша светлость. Я должен покинуть вас немедленно, если хочу успеть с вечерним приливом в Вестпорт...

— Нет, задержитесь немного. Нам нужно еще кое-что обсудить.

Безжизненные глаза Мофиса глянули на Монцу и вернулись к Орсо.

— Как пожелаете, ваша светлость.

Герцог неторопливо поднялся из-за стола.

— Займемся делом повеселей. Вы с хорошими вестями, Монцкарро?

— Да, ваша светлость.

— И что бы я без вас делал?

В черных волосах герцога со времени их последней встречи появились прядки стального цвета, сделались чуть глубже морщинки вокруг глаз, но властный вид его был все так же убедителен. Нагнувшись, Орсо поцеловал ее в обе щеки, затем шепнул на ухо:

— Ганмарк неплох как командир, но для человека, убажжающего мужчин, чувства юмора у него маловато. Пойдемте, расскажете мне о своих победах на открытом воздухе.

Приобняв Монцу за плечи, он провел ее мимо насмешливо ухмыльнувшегося принца Арио на высокий балкон.

Солнце уже встало, мир был полон света и красок. Кровь стекла с небес, и они ярко голубели теперь, увенчанные белыми облаками. Внизу, под головокружительным обрывом, вилась среди осеннего леса, играя сизо-зелеными, огненно-оранжевыми, блекло-желтыми и жарко-красными красками, быстрая, сверкающая серебром река. Лес на востоке сменялся лоскутным одеялом полей — квадратиками озимой зелени, распаханной черной землей, золотых колосьев. Далее река разветвлялась, спеша навстречу серому морю и огибая множество заповоливших дельту островов. Отсюда Монца могла различить лишь намек на крошечные мосты, что их соединяли, дома, башни, стены. Великий Талин, размером с ноготь большого пальца.

Щурясь от ветра, она откинула с лица разметавшиеся волосы.

— Не устаю любоваться этим видом.

— Как можно? Я потому и строю этот чертов дворец, чтобы всегда приглядывать за своими подданными, как заботливый родитель за детьми. Для того лишь, конечно, чтобы они, играя, не поранили сами себя.

— Счастлив ваш народ, имея столь справедливого и любящего отца, — без запинки солгала Монца.

— Справедливого и любящего. — Орсо устремил задумчивый взор на далекое море. — Думаете, таким меня запомнит история?

Монца считала это абсолютно невероятным.